У братца Иоанна и братца Михаила

Существует мнение, что наш рабочий народ, особенно столичный, давно потерял интерес к религии, но наблюдение над его жизнью, проникающее дальше его митингов и увеселительных мест, показывает, наоборот, что религиозное чувство в нем очень живо и повсюду ищет его выражения и удовлетворения. Нет сомнения, что официальное православие все менее и менее удовлетворяет его духовную жажду, тем объясняется с каждым днем увеличивающаяся пустота в святых храмах, и он, на поисках более разумного удовлетворения этой жажды, бросается со всей своей страстностью к тому, кто хотя немного утолит ее.

И вот почему в то самое время, когда одна часть рабочего люда, пользуясь воскресным досугом, проводит его в увеселительных местах, садах и парках, другая идет слушать беседы «братцев» Иоанна и Михаила, да и других, кого найдется. Пойдем и мы туда и посмотрим, как эти «братцы» удовлетворяют религиозную жажду нашего народа. Пойдем сначала к «братцу» Иоанну.

Нам сказали, что беседы братца Иоанна происходят по воскресеньям с 4 до 7 часов вечера, за Петровским парком, в доме литейного завода Дитериха, но для того, чтобы попасть на эту беседу, надо прийти раньше.

В три часа дня первого воскресенья мы были уже в Петровском парке. Это был солнечный день, и гуляющих в парке было очень много. Играла военная музыка, вертелась карусель, на открытой сцене давалось какое-то представление, в отдалении стучал силомер, и продавцы кваса и семечек всюду сновали и кричали «холодный квас», «жаренные семечки». Публика как-то нехотя все это слушала и созерцала и, видимо, скучала. Очевидно, все это ей уже сильно приелось, и ей хотелось чего-то другого, но чего именно — она сама не знала. Не выдержав скуки, некоторые прямо здесь же, где-нибудь под деревом на зеленой, но сильно уже потертой траве, растянулись и уснули.

К половине четвертого мы были уже во дворе завода Дитериха. Здесь тоже толпа, правда, не такая огромная, как в Петровском парке, но все же порядочная, около тысячи человек. В противоположность шуму и гамму парка здесь царила полная тишина, и, судя по лицам, все с нетерпением ждали чего-то. Народ, очевидно, весь рабочий, но два-три лица из привилегированного сословия. Одна старушка плачет и говорит: «Допустит ли меня до себя, братец? Очень уж я грешна». Мы все стоим и ждем, пока, наконец, стали впускать на беседу «братца», и толпа стремительно хлынула в двери.

Входим и мы с толпой, но в сенях нас останавливает женщина лет тридцати-сорока и спрашивает нас, в первый ли раз мы входим сюда. Мы отвечаем, что в первый. Тогда она говорит нам, очевидно, хорошо уже выученную ею от повторения фразу: «Сюда ходят только те, которые пили вино и Господь исцелил их по молитвам братца Иоанна, а вы чего хотите?» Если спрашиваемый ею ответит, что и он хочет перестать пить вино и начать трезвую жизнь, то она говорит ему: «Если вы правду говорите и хотите быть сотрудником трезвой жизни, то, братец верит, Господь поможет и укрепит вас на всю жизнь, а если вы обманываете, то, братец верит Господь накажет вас». И затем она позволяет ему войти. Но если вы скажете ей, что вы просто хотите послушать беседу братца Иоанна,… (отсутствует текст)… от запоя и болезней, выздоровели после того, как

побывали у «братца» Иоанна и получили от него ту или другую вещицу...

Но ведь точно такие же «чудеса» исцелений совершались и в древней, например, Греции у статуи Венеры, которой поклонялись древние греки, и привески которой они вешали на себя.

Что касается «братца» Михаила, ведущего беседы в Галерной гавани, на углу Симанской улицы и Среднего переулка, в доме 7-8, то в нем ничего, кроме колдовства, мы не нашли.

Говорить он совсем не умеет, и его речь состоит из ряда слов, набранных без всякого смысла. Говорит он очень быстро и перескакивает с одного предмета на другой совершенно неожиданно. Вот приблизительный образчик его проповеди: «Христос велел Петру поймать рыбу, вынуть монету и заплатить подать. Вы тоже можете ловить рыбку и копать лопаточкой землю, и в ней золото, а золото есть любовь и молчание поэтому если кто любит кого-нибудь, то он никогда не откроет ему своей тайны (?). Поэтому покайтесь. Мир вам, братья! Как вам кажется?»

Слова: «мир вам, братья» и «как вам кажется» употребляются этим «братцем» очень часто и всегда почти без всякой связи с речью, как и в выше приведенной.

Пузырьки с маслом и он раздает, при чем он заявляет, что он раньше сам мазал маслом приходившим к нему, а теперь, когда об этом прописали в газетах, он перестал это делать и только раздает масло в пузырьках.

Руку для целования слушателям также и он дает. Вообще все остальное, что касается внешней обстановки у «братца» Михаила, то же самое, что и у «братца» Иоанна: такой же стол со скатертями и надписями на них, такая же кафедра и иконы.

Разница только в том, что «братец» Михаил еще резче выделяется той стороной, которая неприятно поразила нас в «братце» Иоанне. Так «братец» Михаил не только дает целовать свою руку, но и повесил на стене свой портрет большего размера и нисколько не стесняется хвалиться своим постничеством.

И наблюдая эту странную смесь «духовного» христианства с обрядностью, мы невольно спрашиваем себя: не являются ли эти «братцы», как и вся эта организация «трезвенников», новым средством борьбы старой, отживающей свой век веры с новой верой, особенно с так называемыми «духовными христианами», где наш народ все более и более находит себе удовлетворение?

Ведь затем все очи «духовные» псалмы, входящие в сборник «Духовная Лира» (изданный новым Афоном и напоминающий собой баптистский сборник «Гусли»), зачем их пение, зачем эти длинные волосы, эти взаимные лобзания не только сестриц-женщин, но и братцев-мужчин, зачем, в конце концов, это «духовное», столь комичное у «братца» Михаила, толкование Библии?

Не пора ли образованным людям, искренне желающим блага народу, позаботиться и о разумном удовлетворении его религиозного чувства? Давно пора.

Сектант. Газета Русь, 9 июля 1907 год.

Библіотека Ясной Поляны

Записки сектанта.

Шкапъ 5 полка 5

У братца Іоанна и братца Михаила.

Существуетъ мнѣніе, что нашъ рабочій народъ, особенно столичный, давно потерялъ интересъ къ религіи, но наблюденіе надъ его жизнью, проникающее дальше его митинговъ и увеселительныхъ мѣстъ, показываетъ, наоборотъ, что религіозное чувство въ немъ очень живо и онъ всюду ищетъ его выраженія и удовлетворенія.

Нѣтъ сомнѣнія, что офиціальное православіе все менѣе и менѣе удовлетворяетъ его духовную жажду, тѣмъ объясняется со дня на день увеличивающаяся пустота нашихъ храмовъ, и онъ, за неимѣніемъ болѣе разумнаго удовлетворенія этой жажды, бросается со всей своей страстностью къ тому кто хотя немного утолитъ ее.

И вотъ почему въ то самое время, когда одна часть, рабочаго люда пользуясь воскреснымъ досугомъ, проводитъ его въ увеселительныхъ мѣстахъ, садахъ и паркахъ, другая идетъ слушать бесѣды „братцевъ“ Іоанна и Михаила, да и другихъ, кого знаетъ.

Пойдемъ и мы туда и посмотримъ, какъ эти „братцы“ удовлетворяютъ религіозную жажду нашего народа. Пойдемъ сначала къ „братцу“ Іоанну.

Намъ сказали, что бесѣды братца Іоанна происходятъ по воскресеньямъ, съ 4 до 7 час. вечера, за Петровскимъ паркомъ, въ домѣ литейнаго завода Дитериха, но для того, чтобы попасть на эту бесѣду, надо прійти раньше.

Въ три часа дня перваго воскресенья мы были уже въ Петровскомъ паркѣ. Стоялъ солнечный день и гуляющихъ въ паркѣ было очень много. Играла военная музыка, вертѣлась карусель, на открытой сценѣ давалось какое-то представленіе, въ отдаленіи стучалъ силомѣръ и продавцы квасу и сѣмячекъ всюду сновали и кричали: „холодный квасъ“, „жареныя сѣмячки“. Публика какъ-то нехотя все это слушала и созерцала и видимо скучала. Очевидно, все это ей уже сильно пріѣлось и ей хотѣлось чего-то другого, но чего именно: она и сама не знала. Не выдержавъ скуки, иные прямо здѣсь же, гдѣ-нибудь подъ деревомъ на зеленой, но сильно уже потертой, травѣ растянулись и уснули.

Къ половинѣ 4-го мы были уже во дворѣ завода Дитериха. Здѣсь тоже толпа, правда, не такая огромная, какъ въ Петровскомъ паркѣ, но все-же порядочная, около тысячи человѣкъ. Въ противоположность шуму и гаму парка здѣсь царитъ полная тишина и, судя по лицамъ, всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ чего-то. Народъ, очевидно, все рабочій, но два—три лица изъ привелигированнаго сословія. Одна старушка плачетъ и говоритъ: „допуститъ ли меня до себя братецъ? Очень ужъ я грѣшна“. Мы всѣ стоимъ и ждемъ, пока, наконецъ, стали впускать на бесѣду „братца“, и толпа стремительно хлынула въ двери.

Входимъ и мы съ толпой но въ сѣняхъ же насъ останавливаетъ женщина лѣтъ тридцати—сорока и спрашиваетъ насъ, въ первый ли разъ мы входимъ сюда. Мы отвѣчаемъ, что въ первый. Тогда она говоритъ намъ, очевидно, хорошо уже заученную ею отъ повторенія фразу:

— Сюда ходятъ только тѣ, которые пили вино и Господь исцѣлилъ ихъ по молитвамъ братца Іоанна, а вы чего хотите?

Если спрашиваемый ею отвѣчаетъ, что и онъ хочетъ перестать пить вино и начать трезвую жизнь, то она говоритъ ему:

— Если вы правду говорите и хотите быть сотрудникомъ трезвой жизни, то, братецъ вѣритъ, Господь исцѣлитъ и укрѣпитъ васъ на всю жизнь, а если вы обманываете, то, братецъ вѣритъ, Господь накажетъ васъ.

И затѣмъ она позволяетъ ему войти. Но если вы скажете ей, что вы просто хотите послушать бесѣду братца Іоанна,

отъ запоя и болѣзней, выздоровѣли послѣ того, какъ побывали у „братца“ Іоанна и получили отъ него ту или другую вещицу.

Но вѣдь точно такіе же „чудеса“ исцѣленій совершались и въ древней, напр., Греціи у статуи Венеры, которой покланялись древніе греки и привѣски которой они вѣшали на себя.

Что касается „братца“ Михаила, ведущаго бесѣды въ Галерной гавани, на углу Симанской ул. и Средняго переулка, въ домѣ 7—8, то въ немъ ничего, кромѣ колдовства, мы не нашли.

Говорить онъ совсѣмъ не умѣетъ и его рѣчь состоитъ изъ ряда словъ, набранныхъ безъ всякаго смысла. Говоритъ онъ очень быстро и перескакиваетъ съ одного предмета на другой совершенно неожиданно. Вотъ приблизительный образчикъ его проповѣди:

— „Христосъ велѣлъ Петру поймать рыбу, вынуть монету и заплатить подать. Вы тоже можете ловить рыбку и копать лопаточкой землю и въ ней золото, а золото есть любовь и молчаніе, поэтому, если кто любитъ кого-нибудь, то онъ никогда не откроетъ ему своей тайны (?). Поэтому покайтесь. Миръ вамъ, братіе! Какъ вамъ кажется?“

Слова: „миръ вамъ, братіе“ и „какъ вамъ кажется“ употребляются этимъ „братцемъ“ очень часто и всегда почти безъ всякой связи съ рѣчью, какъ и въ выше приведенной.

Пузырьки съ масломъ и онъ раздаетъ, при чемъ онъ заявляетъ, что раньше онъ самъ мазалъ масломъ приходившихъ къ нему, а теперь, когда объ этомъ прописали въ газетахъ, онъ пересталъ это дѣлать и только раздаетъ масло въ пузырькахъ.

Руку для цѣлованія слушателямъ также и онъ даетъ. Вообще все остальное, что касается внѣшней обстановки, у „братца“ Михаила то же самое, что и у „братца“ Іоанна: такой же столъ со скатертями и надписями на нихъ, такая же кафедра и иконы.

Разница только въ томъ, что „братецъ“ Михаилъ еще рѣзче выдается тою стороною, которая непріятно поразила насъ въ „братцѣ“ Іоаннѣ. Такъ „братецъ“ Михаилъ не только даетъ цѣловать свою руку, но и повѣсилъ на стѣнѣ свой портретъ большаго размѣра и нисколько не стѣсняется хвалиться своимъ постничествомъ.

И наблюдая эту странную смѣсь „духовнаго“ христіанства съ обрядностью, мы невольно спрашиваемъ себя:

Не являются ли эти „братцы“, какъ и вся эта организація „трезвенниковъ“, новымъ средствомъ борьбы старой, отживающей свой вѣкъ, вѣры съ новой вѣрой, особенно съ такъ называемыми „духовными христіанами“, гдѣ нашъ народъ все болѣе и болѣе находитъ себѣ удовлетвореніе?

Вѣдь зачѣмъ всѣ эти „духовные“ псалмы, входящіе въ сборникъ „Духовная Лира“ (изданный новымъ Аѳономъ и напоминающій собою баптистскій сборникъ „Гусли)“, зачѣмъ ихъ пѣніе, зачѣмъ эти длинные волосы, эти взаимныя лобзанія не только сестрицъ-женщинъ, но и братцевъ-мущинъ, зачѣмъ, наконецъ, это „духовное“, столь комичное у „братца“ Михаила, толкованіе Библіи?

Не пора ли образованнымъ людямъ, искренно желающимъ блага народу, позаботиться и о разумномъ удовлетвореніи его религіознаго чувства? Давно пора.

Сектантъ.

„Русь“, 9 іюля 1907.